

ПОНЯТИЕ «ГНОСТИЦИЗМ»

Отрывки из книги

Michael Allen Williams. Rethinking “Gnosticism”:

an argument for dismantling a dubious category. Princeton University Press, 1996.

Пер. с английского – Дм. Алексеев, 2007 г.

АЛЬТЕРНАТИВЫ «ГНОСТИЦИЗМА» КАК ПОНЯТИЯ

Я утверждаю, «гностицизм», как типологическое понятие, все больше и больше демонстрирует свою ненадежность в качестве инструмента объясняющего анализа и все чаще начинает действовать, как вспомогательное средство, приводящее к анахронизму, карикатуре и ейзегесису. Но что нам делать без него? Есть ли у нас работоспособные альтернативы? Полагаю, есть.

Можно случайно столкнуться с комментарием, что «гностицизм» есть нечто, «трудное для определения». Но нет никаких оснований, по которым определения для типологических конструкций должны быть трудны для формулировки. На самом деле, мнение, будто «гностицизм» трудно определить, означает, что действительно становится трудно, особенно в эпоху после открытия Наг-Хаммади, прийти к единому определению, которое воздавало бы по справедливости разнообразным материалам, подведенным под это понятие соглашением ученых.

Однако я хотел бы предложить не изобретать новое единое обозначение, соответствующее уже отобранному объему материалов, а разработать более подходящие и менее проблематичные понятия для классификации тех или иных материалов. В качестве альтернативной стратегии я предлагаю классифицировать рассматриваемые материалы, по меньшей мере, на двух уровнях.

Прежде всего, в принципе, нет ничего ошибочного в попытках рассортировать традиционно- или социоисторические отношения. Например, все еще имеет смысл говорить о некоем «валентинианстве» как субтрадиции внутри более широкой раннехристианской традиции. Будут споры о том, в какой степени тот или иной документ действительно «валентинианский». Но никто не отрицает, что Валентин или Птолемей существовали, и что преемственность традиции прослеживается между Птолемеем и другими валентинианскими наставниками или между этими наставниками и некоторыми трактатами из Наг-Хаммади. Решение отказаться от венчающей конструкции, называемой «гностицизм», не потребовало бы отказа исследования от особых категорий текстов, традиционно демонстрирующих определенные взаимоотношения.

Но, во-вторых, в дополнение к классификации по традиционно-историческим взаимоотношениям мы могли бы задействовать типологические понятия, которые одновременно и более ясны, и более типологичны, чем старые. Более ясны потому, что опираются на более простые и не столь сомнительные критерии; более типологичны потому, что их характер в качестве

аналитических конструкций точно установлен и никогда не смешивался ни с традицио-исторической, ни с социо-исторической идентичностью.

Например, я предложил бы понятие «библейские демиургические предания» как полезную альтернативу. Под «демиургическими» преданиями я подразумеваю все те, которые приписывают сотворение и устройство космоса некой низшей сущности или сущностям, отличным от высшего Бога. Безусловно, они включали бы и значительную часть античного платонизма. Но если мы добавим прилагательное «библейские», чтобы обозначить «демиургические» предания, также включающие в себя или воспринявшие предания из иудейского либо христианского Писания, понятие заметно сузится.

Действительно, понятие «библейские демиургические» включало бы значительный процент источников, которые сегодня обычно называют «гностическими», поскольку различие между творцом (творцами) космоса и истинным Богом идентифицируется, как общий признак «гностицизма».

Но преимуществ такого понятия, как «библейские демиургические» перед понятием «гностицизм» несколько:

1. Прежде всего, нам следовало бы поискать чего-либо более специфического и более простого для различения. Конечно, на практике предположения данного античного автора о творении могут быть выражены недостаточно ясно, а потому могут быть случаи, когда невозможно абсолютно точно определить, является ли источник «демиургическим» по приведенному выше определению. Но это же может произойти практически с любым понятием, какое можно изобрести.

2. Во-вторых, именно потому, что понятие «библейские демиургические» изначально является современной конструкцией и не опирается на какие-либо античные самоопределения, реальные или воображаемые, искушение говорить о, например, «библейско-демиургической религии», и это не оставляет места для путаницы в вопросе.

3. В третьих, такое понятие, как «библейские демиургические предания», не было бы с самого начала отягощено некоторыми клише, почти рутинно появляющимися при любом упоминании «гностицизма», клише, которые, как я надеюсь продемонстрировать, являются в лучшем случае вводящими в заблуждение карикатурами, а в худшем – полностью неоправданными для характеристики текстов, обычно относимых к категории «гностических». Подобные клише от времени и повторения представляются глубоко укорененными обобщениями признаков, которые следует ожидать во всех «гностических» источниках, даже если многие их предположительно характерных признаков «гностицизма», на самом деле, как мы увидим, не столь характерны. Нам говорят, что основным принципом гностической герменевтики является «обратная экзегеза», постоянное и систематическое выворачивание общепринятых истолкований Писания. Находясь в зависимости от этой карикатуры, мы не пытаемся объяснить то, что в самих источниках в действительности является вовсе не постоянным и систематическим выворачиванием общепринятых истолкований, а набором намного более

утонченных герменевтических программ. Или нам говорится, что гностики были «антикосмическими» пессимистами и полностью изолировались от общества, которому противостояли. Опираясь на эти представления, мы оказываемся не готовы осмыслить значительное число свидетельств о людях, которые часто демонстрируют явный оптимизм в отношении своей миссии в обществе. Наш набор клише предлагает ожидать, что гностики «ненавидели свое тело», и мы оказываемся не готовы принять намного более утонченный уровень отношения к телу, встречающийся в этих источниках. Или наша вспомогательная конструкция предупреждает, что гностики не слишком интересовались или вообще не интересовались добродетелью и нравственным совершенствованием личности, и мы, таким образом, не готовы найти тексты, отражающие заботу о воздержании от греха и нравственном возрастании. Мы ожидаем от гностиков веры, что природа и судьба личности зафиксированы при рождении, а спасение или уничтожение предопределены, и поэтому мы не ищем указаний на обусловленность, в действительности переходящих из текста в текст.

Современное понятие «гностицизм» попало в зависимость от этих клише, что подтверждается их постоянным повторением в научной и популярной литературе по этому предмету. Но эти клише стали скорее бременем, чем поддержкой, скорее препятствием, чем помощью для понимания рассматриваемых источников. В последующих главах это утверждение будет доказано.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В весьма полезном эссе, посвященном общей теме «гностицизма» и его определению, Курт Рудольф сжал в несколько предложений сущностно важную защиту, если таковая вообще возможна, сохранения понятия «гностицизм». Действительно, даже отстаивая важность этого термина, сам Рудольф предпочел бы обойтись без понятия «гностицизм». Он считает его «недавним, осуждающим выражением, теологизирующим неологизмом» и настаивает, что нам следует придерживаться таких античных понятий, как «гнозис» и «гностики». Признавая, что древними в качестве «общего универсального самоопределения» использовались не только эти термины и что «сегодня мы больше знаем о действительных самоопределениях этих “гностиков”», Рудольф, тем не менее, настаивает, что «исследование должно пользоваться общими понятиями. Поскольку подобные понятия уже давно заимствованы учеными из древних традиций, едва ли их можно отвергнуть. В данном случае, понятие “гностики” доказало свою ценность и обладает смыслом, но это не так в отношении понятия “гностицизм”, и нам следует, насколько это возможно, исключить его, поскольку оно не только носит уничижительный характер, но и вносит путаницу». [Rudolph, Kurt. “‘Gnosis’ and ‘Gnosticism’ — The Problems of Their Definition and Their Relation to the Writings of the New Testament” // *The New Testament and Gnosis: Essays in Honour of Robert McLachlan Wilson*, edited by A.H.V. Logan and A.J.M. Wedderburn, 21–37. Edinburgh: T. & T. Clark, 1983. 28; см. также 26–28.] Профессор Рудольф абсолютно прав по целому ряду причин, но, с моей точки зрения, идет недостаточно далеко. Конечно, термин «гностицизм» вносит больше путаницы, чем ясности. Также зачастую в этом ярлыке явно присутствуют уничижительные коннотации.

Но проблема глубже, чем просто слово «гностицизм». Не просто выбор терминологии, но сам термин нуждается в пересмотре и, как я полагаю, изменении. Понятие «гностицизм» не было бы столь запутывающим, если бы не было смущающей расплывчатости, окружающей это понятие, как его ни назови — «гнозис», «гностическая религия» или «гностицизм». Что касается уничижительного характера этого ярлыка, существует множество вовсе не обязательно уничижительных «-измов». «Гностицизм» сделал уничижительным не «-изм» на конце, а сконструированное понятие, которое стало обозначать это слово.

«Гностики» и «гностицизм» стали синонимичны некоей хронической склонности к «протесту» и «бунту». Так, интерпретация Писания в их сочинениях не могла иметь отношения к общим или «нормальным» усилиям понять значение текста, но изначально рассматривается как последовательное и систематическое извращение его ясного смысла, как инструмент полемического анархизма. И этих мятежных оппозиционеров трудно заподозрить в искреннем отношении к этике. Некоторые из них проводили жизнь в аскетическом воздержании? Едва ли это было мотивировано каким-либо истинным стремлением к чистоте и нравственному совершенству, поскольку они могли избрать столь же «гностический» образ жизни, предполагавший угождение плоти всеми возможными способами. Единственным сущностно «гностическим» действием, которое нам предлагается вообразить, было так или иначе «восстать», занять позицию «протеста». В любом случае, спасение явно находится не в центре внимания, поскольку все предопределено, и как никакой грех или нравственный скандал не может угрожать спасению пневматиков, так благочестие и нравственные достижения не могут спасти материальный род. Что до других общих отношений, мы уверенно не сочтем ни одного «гностика» жизнерадостным, общительным существом, поскольку убеждены, что сущностью их характера было пессимистическое отрицание мира, антикосмическая ненависть к телу. И наилучшей метафорой для мировоззрения этих людей, узнаем мы, является, вероятно, «паразит» или «вирус», инородное тело, прикрепляющееся и питающееся кровью совершенно «целостных» религий, организм, питающий отвращение или просто неспособный к определенному уровню независимости символизма или общины, присущему любой «непаразитной» религии.

В этом исследовании мы увидели, насколько ошибочной и неприемлемой является подобная картина при общем описании группы источников, обычно определяемых как «гностические». Возможно, некоторые из перечисленных выше клише более-менее применимы индивидуально к тому или иному источнику, но они вовсе не охватывают чего-либо значимого или характерного для всей группы «гностических» источников. В действительности, герменевтические подходы, представленные в этих источниках, достаточно разнообразны и не могут быть огульно сведены к некоей целеустремленной стратегии переоценивающей ценности или перевернутой экзегезы. Если антикосмизм мироотрицателей считается очевидным в необычном уровне отчуждения и напряженности с обществом, то многие так называемые гностики не соответствуют этому описанию. Конечно, многие из них с очевидностью были ближе к принятию мира, судя по способам, которыми они стремились

уменьшить социокультурную напряженность между их религиозным движением и обществом. Что до отношения конкретно к своим телам, там не только присутствует то же самое разнообразие, но мы уж видели, что даже в случае наиболее «антисоматических» из них, простой лозунг «ненависть к телу» едва ли способен выразить весь диапазон смыслов, зачастую связанных с человеческим телом в этих мифах. Он полностью пересматривает роль тела в этих текстах как в откровении, как образа божества, так и в спасении, как сосуда, которых благодаря божественной силе может быть очищен от своих демонов и поставлен под контроль. Нравственные отношения и стремления личностей, которых рассматривает это исследование, также намного сложнее простого выбора между аскетическим воздержанием и ужасающей распущенностью. Эта последняя формула является своего рода рекордом – как наиболее часто повторяемое совершенно ложное представление о людях, которых мы здесь обсуждали. Только отказавшись от порожденных этим заблуждением представлений, можно увидеть в оригинальных сочинениях, таких, как, например, Наг-Хаммади, подлинные нравственные отношения, а не некий неистовый акт протеста: отношения, включавшие общинные ценности, идеализацию семьи, личного роста и достижений.

В приведенной выше цитате Курт Рудольф говорит о необходимости при исследовании «общих понятий» или терминов, и он совершенно прав. Но разве «гностицизм» или даже, как он предпочел бы сказать, «гнозис» является тем общим понятием или термином, которые нам нужны? Профессор Рудольф полагает, что возврата назад нет, поскольку наука уже давно приняла такие термины, как «гнозис» и «гностики», и отчасти он прав. Фундаментальным предназначением подобных понятий является облегчать и делать более ясным общение между учеными, обсуждающими предмет. С определенной точки зрения отказ от классификации, которой многие, включая и меня, пользовались длительное время, представляется непрактичным. Но это возражение оказалось бы намного более веским, если бы мы говорили о понятии, которое действительно, говоря словами Рудольфа, «доказало свою ценность».

Какова ценность понятия, если оно слишком расплывчато, чтобы установить консенсус по вопросу о включении или исключении некоторых наиболее интересных материалов — значительной части библиотеки Наг-Хаммади, например? Какова ценность понятия, порождающего ложное понимание и ложную информацию о самих материалах, которые оно описывает? Какова ценность понятия, хоть сколько-нибудь ответственное употребление которого требует от ученых объяснений и разъяснений, на что у многих из них не хватает ни времени, ни сил, а потому вызывает вводящие в заблуждение обобщения?

В этом исследовании я предложил, по меньшей мере, одну альтернативу. Термин «библейские демиургические» мог бы быть ясно определен. Он включал бы все источники, проводящие различие между творцом (творцами) и правителями материального мира и трансцендентным божеством, использующие при этом иудейскую или христианскую традицию Писания. Однако этот термин был бы не просто новым названием для «гностицизма», поскольку не соответствовал бы в точности материалам, включенным в большинство антологий «гностических» источников или обсуждений этого предмета. Было бы, конечно, заметное совпадение, поскольку большинство

источников, обычно называемых «гностическими», содержат или принимают некий библейский демиургический миф. И действительно, есть ученые, которые сочли бы, что я назвал библейский демиургический миф единственным, при окончательном анализе, подлинным определяющим признаком «гностицизма». Тем не менее, существуют источники, которые многим хотелось бы назвать «гностическими» на основании других признаков, таких, как ориентация на эзотерическое знание.

Библейский демиургический миф стал бы не просто другим названием для «гностицизма», поскольку задачей нового термина было бы именно освобождение от багажа, окружающего старый термин. Группируя для изучения и сравнения большинство тех же самых мифов, он позволил бы избежать ряда ошибок, которые, как я попытался доказать в настоящем исследовании, связаны с термином «гностицизм». Определение термина «библейские демиургические» ничего не говорит и не подразумевает об «антикосмизме», а следовательно, допускает различное отношение к космосу и его творцу (творцам), действительно засвидетельствованное в сочинениях. Этот термин не потребовал бы утверждать, что в основе всех рассматриваемых источников лежит одна определенная герменевтическая программа, но допустил бы разнообразие подходов, с которым мы реально сталкиваемся. И так далее.

Безусловно, термин «библейские демиургические» не подразумевает предположения, что мы говорим об определенной «религии», а является, скорее, простой типологией для систематизации религиозных обновлений или новых религиозных движений. Как типология, он, конечно же, является далеко не единственным способом систематизации многих из этих источников. Но этот особый признак, который в принципе очень легко идентифицировать, включает в себя некоторые значимые группы идей, которые, как нам известно, послужили катализатором противостояния в поздней античности. Библейский демиургический миф вызывает в символическом дискурсе различия, очень серьезно воспринимавшиеся в античных спорах о космогонии. Другими словами, он, безусловно, был бы ценной типологической систематизацией.

Мне представляется, что в анализе новых источников из Наг-Хаммади и связанных с ними материалов мы уже достигли той стадии, на которой для того, чтобы добиться реального прогресса в понимании этих источников, стоящих за ними людей и их места в структуре поздней античности, нам, современным читателям, может понадобиться вернуться на несколько шагов назад. Покойный профессор Мортон Смит из Колумбийского Университета еще в 1978 году предложил посвященной теме «гностицизма» конференции свою статью, в которой высказал аргументы против приемлемости этого понятия. Тем не менее, в конце своей статьи он с притворной покорностью и милым сарказмом отметил, что «“гностицизм”, в итоге, стал брэндом с надежным сбытом». [M. Smith, “History of the Term Gnostikos” // Layton, Bentley, ed. *The Rediscovery of Gnosticism: Proceedings of the International Conference on Gnosticism at Yale, New Haven, Connecticut, March 28–31, 1978*. 2 vols. *Studies in the History of Religions (Supplements to Numen)*, 41. Leiden: Brill, 1980–1981. 806.] Но я удивлен. Я удивлен, неужели сбыт не оказался менее надежным, чем был когда-то. И, в любом случае, я удивлен, неужели контроль над качеством продукции не указывает ученым, как ответственным современным «производителям знаний»,

что пора произвести массовый отзыв товара и сфокусировать коллективное внимание не просто на по-новому упакованной программе, но на полностью новой модели.

Примечание переводчика:

Прежде всего, следует поблагодарить уважаемого пользователя [real-lagus](#), опубликовавшего ссылку на это ценное исследование:

http://avaxsphere.com/ebooks/theology_occultism/west_religion/Rethinki.html

Во-вторых, можно, конечно, подвергнуть критике предложенную Вильямсом альтернативу, но это не меняет сути дела:

Само появление таких терминов как «гностицизм», «внехристианский мифологический гностицизм», «гностическая религия» и даже «гностицисты» вызвано исключительно некритическим восприятием современными историками заведомо не слишком достоверных, а зачастую и просто клеветнических сочинений отцов-ересиологов.

Поэтому было бы разумно оставить этот термин для апологетов и пропагандистов «святого православия», а уважаемым участникам гностического сообщества, а тем более людям, имеющим отношение к исторической и религиоведческой науке, от его употребления воздерживаться.